
ТЕОРИЯ ЗАВИСИМОСТИ ОТ ПРЕДШЕСТВУЮЩЕГО РАЗВИТИЯ В КОНТЕКСТЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Ю.В. ЛАТОВ

*кандидат экономических наук, доцент,
ГУ-ВШЭ*

Трактовка институтов как сознательно и / или стихийно складывающихся «правил игры» естественным образом ставит вопрос о том, как и почему эти правила меняются. Сторонники новой экономической истории делают акцент на сознательном выборе норм, на институциональном конструировании и экспорте институтов. Но есть и другая сторона проблемы изменчивости институтов, а именно, институциональная инерция, которая стала главным объектом изучения своего рода «новейшей экономической истории». Речь идет о возникшей в 1980-е гг. теории Path Dependency, основы которой заложены американскими экономистами-историками П. Дэвидом и Б. Артуром. Поскольку возникшие в 1960–1970-е гг. «фогелевское» и «нортовское» направления экономико-исторических исследований называют теориями новой экономической историей, то это более позднее научное течение можно считать именно «новейшей экономической историей».

От QWERTY-номики — к экономической теории стандартов и альтернативной экономической истории технологий

Название теории Path Dependency принято в отечественной литературе переводить как «зависимость от предшествующего развития»¹. Она тоже обращает внимание на институциональные изменения и на роль институтов в технических изменениях. Однако если в «нортовской» новой экономической истории главный акцент сделан на том революционизирующем влиянии, которое оказывают правовые инновации и изменение транзакционных издержек на социально-экономическое развитие, то в теории зависимости от предшествующего

¹ Строго говоря, такой упрощенный перевод не совсем правилен, поскольку он чреват упрощением сущности явления. Все в мире зависит от прошлого в том смысле, что ничто ни возникает из ничего. Смысл теории Path Dependency в том, что возможности выбора, который делается «здесь и сейчас», жестко детерминированы выбором, сделанным «где-то и когда-то раньше».

развития основное внимание обращается на инерционность развития. Иначе говоря, если последователи Д. Норта изучают, *как становятся возможны институциональные инновации*, то последователи П. Дэвида и Б. Артура, наоборот, – на то, *почему институциональные инновации далеко не всегда возможны*. Кроме того, если Д. Норт при изучении институтов акцентирует внимание на правах собственности, то П. Дэвид и Б. Артур – на неформальных механизмах выбора.

Поскольку оба эти аспекта связаны друг с другом, как орел и решка, то происходит интенсивное взаимодействие и взаимообогащение этих двух институциональных теорий экономической истории. Характерно, что Д. Норт в своей книге «Институты, институциональные изменения и функционирование экономики» очень оперативно откликнулся на только-только начавшие приобретать популярность идеи «новых экономистов» и включил их в свою концепцию как один из ключевых ее компонентов.

Формирование теории Path Dependence началась в 1985 г., когда П. Дэвид опубликовал небольшую статью [12], посвященную такому, казалось бы, мелкому вопросу, как формирование стандарта клавиатур печатающих устройств. Он доказывал, что хорошо нам знакомая QWERTY-клавиатура печатающих устройств стала результатом победы *менее* эффективного стандарта над *более* эффективными. Изучение экономической истории технических стандартов, начатое после пионерных работ П. Дэвида и Б. Артура, показало необычайно широкое распространение QWERTY-эффектов едва ли не во всех отраслях.

Под QWERTY-эффектами в современной научной литературе подразумевают все виды сравнительно неэффективных, но устойчиво сохраняющихся стандартов, которые демонстрируют, что «история имеет значение». Эти эффекты можно обнаружить двумя путями:

- 1) либо сравнивать *реально существующие* в современном мире технические стандарты;
- 2) либо сопоставлять *реализованные* технические инновации с *потенциально возможными, но нереализованными*.

Хотя современная экономика давно глобализируется и унифицируется, в разных странах мира продолжают сохраняться разные технические стандарты, не совместимые друг с другом. Некоторые примеры общеизвестны: например, различия между левосторонним (в бывшей Британской империи) и правосторонним движением на дорогах разных стран, что заставляет одних автопроизводителей ставить на машины руль слева, а других – справа. Другие примеры менее известны, как, скажем, различия в ширине железнодорожной колеи или в стандартах передачи электроэнергии.

В сравнении с изучением соревнования разных технических стандартов несколько более умозрительным, но и более многообещающим является анализ «несостоявшейся экономической истории». Речь идет о том, что, по мнению многих историков-экономистов, некоторые победившие из-за конъюнктурных обстоятельств технические инновации перекрыли другие, потенциально более эффективные пути развития.

Теория зависимости от предшествующего развития и близкие к ней научные исследования по альтернативной истории основаны не на неоклассическом «экономиксе» (как «фогелевская» новая экономическая история), а на метаучной парадигме синергетики, связанной с идеями известного бельгийского химика И. Пригожина (тоже нобелевского лауреата), создателя теории самоор-

ганизации порядка из хаоса². Согласно разработанному им синергетическому подходу, развитие общества не является жестко predetermined (по принципу «иного не дано»). На самом деле наблюдается чередование периодов эволюции, когда вектор развития изменить нельзя (движение по аттрактору), и точек бифуркации, в которых возникает возможность выбора. Когда «QWERTY-экономисты» говорят об исторической случайности первоначального выбора, они рассматривают как раз бифуркационные точки истории – те ее моменты, когда происходит выбор какой-либо одной возможности из веера различных альтернатив. Выбор в таких ситуациях практически всегда происходит в условиях неопределенности и неустойчивости баланса социальных сил. Поэтому при бифуркации судьбоносными могут оказаться даже совсем мелкие субъективные обстоятельства – по принципу «бабочки Брэдли».

Итак, после многочисленных исследований QWERTY-эффектов историки-экономисты с изумлением обнаружили, что многие окружающие нас символы технического прогресса приобрели хорошо знакомый нам облик в результате, в общем-то, во многом случайных обстоятельств и что мы живем вовсе не в лучшем из миров.

От QWERTY-номики — к экономической теории Path Dependency и альтернативной экономической истории институтов

Самая главная из новых идей, предложенных в развитие первоначальной концепции П. Дэвида, заключается в том, что победу изначально выбранных стандартов / норм над всеми другими, даже сравнительно более эффективными, можно наблюдать не только в истории развития технологий, но и в истории развития институтов. В 1990-е гг. появилось немало исследований, включая работы самого Дугласа Норта, развивающих это новое направление использования QWERTY-подхода. Английский ученый Д. Пуфферт прямо заявил, что «зависимость от предшествующего развития для институтов, вероятно, будет вполне подобна зависимости от предшествующего развития для технологий, поскольку обе основаны на высокой ценности адаптации к некоей общей практике (какой-либо технике или правилам), так что отклонения от нее становятся слишком дорогостоящими» [13; 16].

Если при описании истории технических инноваций чаще пишут о QWERTY-эффектах, то в рамках анализа институциональных инноваций обычно говорят о Path Dependency – зависимости от предшествующего развития. Впрочем оба эти термина многими используются как синонимичные. Сам П. Дэвид дал Path Dependency определение следующим образом: «зависимость от предшествующего развития – это такая последовательность экономических изменений, при которой важное влияние на возможный результат могут оказать отдаленные события прошлого, причем скорее случайные события, чем систематические закономерности» [12, p. 332].

² С. Марголис и С. Либовиц в своей энциклопедической статье о Path Dependency четко указывают, что «зависимость от предшествующего развития – это идея, которая пришла в экономическую теорию от интеллектуальных движений, возникших в другой сфере. В физике и математике эти идеи связаны с теорией хаоса» [15]. См. также [2].

В истории развития институтов проявления зависимости от предшествующего развития можно проследить на двух уровнях: во-первых, на уровне *отдельных институтов* (правовых, организационных, политических и т.д.); а во-вторых, на уровне *институциональных систем* (особенно национальных экономических систем).

К настоящему времени накопилось много исследований, анализирующих зависимость от предшествующего развития и в формировании самих институтов – золотого стандарта, систем общего и гражданского права, центрального банка и т.д.

Важный вклад в экономическую теорию институциональных изменений внес российский экономист В.М. Полтерович, рассмотревший на примере постсоветской экономики такую любопытную разновидность зависимости от предшествующего развития, как «институциональная ловушка» [7]. Речь идет о том, что среди путей развития возможны варианты, которые более выгодны в краткосрочном периоде, однако в долгосрочном они не просто менее эффективны, чем альтернативные (зарубежные экономисты рассматривали именно такие случаи), но делают дальнейшее развитие просто невозможным. Именно таков был, в частности, эффект от развития в постсоветской России бартерной экономики: она позволяла временно решать проблемы малоэффективных предприятий, однако делала невозможной сколько-нибудь решительную реструктуризацию производства.

Что касается сравнительного анализа национальных экономических систем как институциональных рамок хозяйственной эволюции, то он имеет в экономической науке довольно давнюю традицию. Можно вспомнить хотя бы хрестоматийные для российских обществоведов старшего поколения работы В.И. Ленина (например, написанную в 1908 г. «Аграрную программу социал-демократии в первой русской революции 1905–1907 годов»), посвященные сравнению прусского (юнкерского) и американского (фермерского) путей развития капитализма в сельском хозяйстве [4]. Он подчеркивал, что главным тормозом развития капитализма в России является именно феодальное наследие, которое проявляется не только в помещичьем землевладении, но и в общинном землепользовании. В зарубежной историко-экономической науке можно вспомнить, например, теорию эшелонов развития капитализма по А. Гершенкрону [14], согласно которой путь развития страны «программируется» на века вперед тем, смогла ли она прийти к капитализму самостоятельно (первый эшелон), или же внешнее влияние инициировало внутренние источники саморазвития (второй эшелон), либо капитализм остается «присадкой извне» (третий эшелон). В этом же ключе работал и Д. Норт, указывая на глубокие и труднопреодолимые различия между развитием Латинской Америки, унаследовавшей институты отсталой Испании, и Северной Америки, развивавшейся под влиянием более передовых английских институтов.

Если в работах о QWERTY-эффектах в истории техники часто подчеркивается случайность и конъюнктурность выбора победившей технологии, то у исследователей Path Dependency в развитии институтов этот мотив звучит гораздо слабее. Видимо, выбор институтов в отличие от выбора технологий носит более коллективный характер, а потому он более закономерен³. Оба направления род-

³ Возможно, впрочем, и иное объяснение – смоделировать альтернативный вариант институциональной истории психологически труднее, чем представить иной вариант развития технологии. Достаточно обратиться к альтернативной истории как жанру научной фантастики: писатели «изобрели» паропанк (альтернативную историю нового и новейшего времени, где нет бензиновых двигателей), но в конструировании альтернативных институтов не могут придумать ничего оригинальнее продолжения или сокращения «сроков жизни» фашизма, коммунизма и т.д.

ственны тем, что исследователи подчеркивают высокую инерцию общественно-го развития, которая делает невозможным быстрое изменение как используемых технологий, так и господствующих норм.

Ретропрогнозирование – моделирование того, чего не было

Применение теории зависимости от предшествующего развития к экономической истории институтов позволяет видеть их альтернативные издержки и тем самым делать выводы об эффективности выбора, осуществленного в бифуркационных точках социально-экономического развития. Таким образом, теория Path Dependency создает основу для ретропрогнозирования как метода исторического анализа.

Традиционно считается, что рассуждения на тему «что было бы, если бы...» (если бы Александр Македонский прожил еще несколько лет, если бы восстание декабристов увенчалось победой, если бы НЭП не сменился Великим переломом и т.д.) для профессиональных историков неприличны: история-де не знает сослагательного наклонения. Между тем подобный подход к историческому исследованию на самом деле давно стал за рубежом вполне допустимым (хотя и все еще несколько экзотическим). Это направление исторического анализа начало развиваться еще в 1920-е гг., оно известно под многими названиями: альтернативная история, контрфактическая история, «экспериментальная» история, ретроальтернативистика и т.д. [5; 8; 11]. (Из зарубежных изданий последних лет можно назвать сборник: [18].)

Один из основоположников ретропрогнозирования – знаменитый английский историк А. Тойнби, который поставил мысленный эксперимент для уточнения роли личности Александра Македонского: в одном из его альтернативных сценариев рассматриваются гипотетические последствия удлинения жизни этого великого завоевателя, в другом, наоборот, – его более ранней гибели [10; 11]. (Оригинальные тексты являются приложениями к книге «Некоторые проблемы истории Греции» [17].) Опыт А. Тойнби строился в основном на использовании воображения и потому был ближе скорее к фантастике в жанре альтернативной истории (типа классических для этого жанра романов Ф. Дика «Человек в Высоком Замке» или Л. Спрэга де Кампа «Да не опустится тьма»). Лишь работы знаменитого Р. Фогеля приблизили «еслибылогию» к точной науке. Хотя выводы Р. Фогеля нашли одобрение далеко не у всех специалистов, все же после его работ стало возможным относить ретропрогнозы уже не к области умозрительных спекуляций, а к одному из направлений клиометрики – историко-математических исследований.

Изучение «истории в сослагательном наклонении» является отражением экономического подхода к исследованию общественных проблем. Действительно, современные экономисты рассматривают свою науку как изучение выбора среди альтернативных вариантов, который делают люди, стремясь максимизировать свое благосостояние. В таком случае альтернативная история – история, рассматриваемая как результат оптимизирующего выбора, – становится частным случаем анализа поведения людей, выбирающих наилучший вариант из доступных им альтернатив. Моделирование неосуществленных сценариев развития исторических событий с экономической точки зрения принципиально не отличается от моделирования последствий поведения, например, покупателя в магазине или правительства в период кризиса. Ретропрогноз отличается от обычно-

го экономического прогноза лишь тем, что здесь выбор пути развития определяется не только сознательными действиями людей, организаций или социальных групп, но и чисто случайными обстоятельствами. Например, благополучный исход экспедиции Колумба во многом зависел от погодных условий в Атлантике в 1492 г. – сильный шторм мог бы отправить испанские корабли на дно и тем самым отдалить открытие Америки на несколько лет или даже десятилетий.

В отечественной научной литературе подобные исследования долгое время были практически неизвестны. Ситуация начала несколько меняться в 1970–1980-е гг., когда стала складываться руководимая И.Д. Ковальченко отечественная школа клиометристов. Однако сам основоположник российской клиометрики относился к альтернативно-иммитационному моделированию исторического процесса весьма скептически, что отнюдь не способствовало его популярности⁴. В 1990-е гг. повальное увлечение новомодной ментальной историей в духе «Анналов» привело к тому, что иные направления научного поиска оставались малоизвестными и слабо разработанными. Публикация концептуальной статьи И.В. Бестужева-Лады с призывом начать разработку проблем «ретроальтернативистики» [1] осталась практически незамеченной. К сожалению, следует констатировать, что строго научные ретропрогностические исследования в постсоветской науке остаются случайными и эпизодическими, хотя в научно-популярной литературе они представлены уже довольно широко (см., например: [6]).

Впрочем, несмотря на уже довольно долгую историю развития, это новое методологическое направление еще окончательно не сформировалось даже за рубежом. У него нет пока даже общепризнанного названия. На наш взгляд, наиболее точно содержание этого направления исторических исследований передается термином **«ретропрогнозирование»**, поскольку его цель – *давать прогнозы альтернативных вариантов развития тех или иных исторических событий и оценивать вероятности различных их исходов* (включая и тот вариант, который реально осуществился).

Объектом изучения ретропрогностики должны быть *бифуркационные точки истории* – те ее моменты, в которые происходит выбор качественно различных альтернатив. В бифуркационных точках происходит, так сказать, изменение русла исторического потока с долговременными последствиями. Поскольку выбор в таких ситуациях почти всегда происходит в условиях неопределенности и неустойчивости баланса социальных сил, то историческая картина может быть сильно изменена даже относительно мелкими субъективными обстоятельствами. В качестве примера можно поставить мысленный эксперимент, как пошло развитие истории России, если бы в 1905 г. во время перехода по льду Финского залива В.И. Ленин утонул; без его харизматической личности, вероятнее всего, Октябрьской революции 1917 г. либо вообще бы не произошло, либо она имела бы во многом иной характер.

Взгляд на историю как на цепь вероятностных событий, где переход от одного звена к другому происходит в результате сознательного или случайного выбора, имеет большое значение для понимания логики общественного разви-

⁴ Впрочем, хотя И.Д. Ковальченко не раз высказывал критические оценки тех подходов, которые предлагали Р. Фогель и его последователи, в принципе он не отрицал возможности построения моделей, которые бы отражали отличный от реального, но допустимый ход исторических событий. В одной из его последних работ есть, например, модели развития дифференциации крестьянских хозяйств России начала XX в., если бы не было столыпинских реформ и если бы они продолжались до 1920-х гг. [3].

тия. Оценка благоприятности исходов вероятностных сценариев по разным критериям оптимизации – рост благосостояния, устойчивость общественной системы, национальное самосознание и т.д. – позволит во многом уточнить или даже изменить наши знания о *значении многих исторических событий*. Например, восстание декабристов может быть оценено и как безответственное упущение уникального шанса на создание жизнеспособного российского конституционализма, и как преступная попытка спровоцировать смуту, близкую к реальным событиям 1612 и 1917 гг. Какая из этих оценок ближе к истине, можно выяснить только на основе ретропрогнозирования.

При обсуждении ретропрогнозирования часто различают собственно *альтернативное* и *контрфактическое моделирование*. В первом случае историки анализируют те варианты истории, которые имели реальные шансы осуществиться (например, победоносное восстание декабристов). Во втором случае речь идет о сценариях, которые в принципе не могли реализоваться (например, победа Новгородской боярской республики над самодержавием Москвы). Если в реальной истории существовали определенные силы (партии, политические лидеры, социальные группы), выступавшие за альтернативный ход событий либо признающие его возможность, причем не существует объективных (не зависящих от воли людей) факторов, которые делали бы этот ход событий невозможным, то соответствующий ретропрогноз надо считать альтернативным. Напротив, если нет данных, что кто-либо из современников предлагал практическую реализацию иного варианта событий, или попытки их реализации оказались (должны были оказаться) по объективным причинам однозначно безуспешными, такой ретропрогнозный сценарий будет контрфактическим.

Оценки реалистичности ретропрогнозных сценариев можно типологизировать по довольно простой схеме (см. таблицу). Деятельность людей (выдающихся личностей, социальных групп) определяет субъективную вероятность либо невероятность альтернативного хода событий, а состояние окружающей людей среды (природы, объективных производительных сил) – объективную вероятность либо невероятность. В таком случае ретропрогнозные сценарии могут иметь четыре степени реалистичности:

- A – для альтернативного исхода были и объективные и субъективные предпосылки (собственно альтернативное моделирование);
- $K_{\text{в}}$ – для альтернативного исхода были объективные предпосылки, но не было субъективных (контрфактическое моделирование высоковероятных событий);
- $K_{\text{м}}$ – для альтернативного исхода были субъективные предпосылки, но не было объективных (контрфактическое моделирование маловероятных событий);
- $K_{\text{н}}$ – для альтернативного исхода не было ни объективных, ни субъективных предпосылок (контрфактическое моделирование заведомо невероятных событий).

Классификация виртуальных сценариев по степени их реалистичности

		Объективные предпосылки	
		Объективная вероятность	Объективная невероятность
Субъективные предпосылки	Субъективная вероятность	A	$K_{\text{м}}$
	Субъективная невероятность	$K_{\text{в}}$	$K_{\text{н}}$

Большинство виртуальных сценариев, которые рассматривались в научной и художественной литературе, принадлежат, конечно, к классу А. Именно к нему относятся сценарии более долгой или более короткой жизни Александра Македонского по А. Тойнби, победы восстания декабристов в Петербурге, «долгого НЭПа» по Бородкину-Свищеву и Аллену и т.д. «Америка XIX в. без железных дорог», которую сконструировал Р. Фогель, относится к классу K'_b : нет никаких объективных причин, в силу которых американцы не могли строить вместо сети железных дорог речные каналы и магистрали дилижансов, однако, насколько известно, современники событий такую альтернативу даже не осознавали. К этому же классу относится модель «долгих столыпинских реформ» И.Д. Ковальченко. Сценарии K_m и K_n рассматриваются почти исключительно в художественной литературе. Так, «Фатерлянд» Р. Харриса является ярким примером ретропрогноза класса K_m , а «Тьма не наступит» Л. Спрэга де Кампа – класса K_n .

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бестужев-Лада И.В.* Ретроальтернативистика в философии истории // Вопросы философии. 1997. № 8. С. 112–122.
2. *Бородкин Л.И.* «Порядок из хаоса»: концепции синергетики в методологии исторических исследований // Новая и новейшая история. 2003. № 2. С. 98–118.
3. *Коваленко И.Д.* Столыпинская аграрная реформа (Мифы и реальность) // История СССР. 1991. № 2.
4. *Ленин В.И.* ПСС. Т. 16. С. 215–219.
5. *Полетаев А. В.* Клиометрика – новая экономическая история – историческая экономика // Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. М.: Экономика, 1989. Вып. 1. С. 37–42.
6. *Поликарпов В.С.* Если бы... Исторические версии. Ростов н/Д, 1995.
7. *Полтерович В.М.* Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. 1999. Т. 35. № 2.
8. *Савельева И.М., Полетаев А.В.* История и время. В поисках утраченного. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 647–654.
9. *Тойнби А.* Если бы Александр не умер тогда... // Знание – сила. 1979. № 2. С. 39–42.
10. *Тойнби А.* Если бы Филипп и Артаксеркс уцелели... // Знание – сила. 1994. № 8. С. 60–65.
11. *Хук С.* «Если бы» в истории // THESIS. 1994. № 5. С. 206–215.
12. *David P.A.* Clio and the Economics of QWERTY // American Economic Review. 1985. V. 75. № 2.
13. *David P.A.* Why are institutions the «carriers of history»? Path dependence and the evolution of conventions, organizations and institutions // Structural Change and Economic Dynamics. 1994. V. 5. № 2.
14. *Hershenkron A.* The approach to European industrialization: a postscript // Economic Backwardness in Historical Perspective: A Book of Essays. Cambridge, Mass.: Harvard University, 1962. P. 353–364.
15. *Margolis S.E., Liebowitz S.J.* Path Dependence // The New Palgrave Dictionary of Economics and Law / Ed. by P. Newman. L.: Macmillan, 1998.
16. *Puffert D.J.*, 2003a. Path Dependence, Network Form and Technological Change // History Matters: Essays on Economic Growth, Technology and Demographic Change / Ed. by W. Sundstrom, T. Guinnane, and W. Whatley. Stanford: Stanford University Press, 2003 (http://www.vwl.uni-muenchen.de/l_s_komlos/nettech1.pdf).
17. *Toynbee A.J.* Some Problems in Greek History. Oxford: Oxford University press, 1969.
18. *Virtual History: Alternatives and Conterfactuals* / Ed. by N. Ferguson. L., 1997.